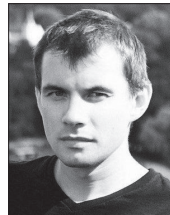

КИРИЛЛ СЕРГЕЕВИЧ МАСЛОВ

научный сотрудник,
Институт психологии, Таллинский университет,
Таллин, Эстония;
e-mail: kirill.maslov@gmail.com

Университетская жизнь и образовательная политика на рубеже XIX–XX вв. глазами преподавателей и студентов (на примере Тартуского университета)

Описываются особенности перехода Тартуского (Юрьевского) университета на русский язык обучения в ходе реформирования в конце XIX столетия. Переход с немецкого на русский язык обучения сопровождался трудностями, связанными с прочно укоренившимися традициями учебного процесса, более свойственными именно немецкому университету. «Немецкий» характер высшего учебного заведения, его первоначальная направленность на образование представителей остзейского дворянства — делали университет более «спокойным» в политическом плане, что позволило принимать туда студентов, отчисленных из других учебных заведений империи за революционную деятельность.

Ключевые слова: университетская история, реформа образования, Тартуский университет, студенческий быт, академическая культура, университет как точка притяжения, университет и политика.

К середине XIX столетия Дерптский университет стал одним из признанных центров не только российской, но и европейской науки. Университет в Дерпте-Тарту обладал рядом особенностей, которые значительно отличали его от университетов остальной России. Большая академическая свобода давала возможность студенту *чувствовать* себя свободным. В 1803 году был принят устав Дерптского университета, предлагавший довольно широкую автономию, что, конечно же, способствовало развитию этого учебного заведения. Дерпт к тому же не был губернским центром в отличие от существовавших на то время в России университетских городов. В 1804 году был основан Казанский университет, в следующем году — Харьковский, в 1819 году — Петербургский, а в 1834 году — университет в Киеве.

Важной особенностью университета было преподавание на немецком языке, на русский же язык университет стал переходить только в конце столетия в ходе реформирования; об этом и пойдет речь в нашей работе.

Последовавшее за убийством 1 марта 1881 года императора Александра II восшествие на престол его сына Александра III ознаменовало закат либеральных послаблений, в том числе и в области высшего образования. Отношения между правительством и студенчеством не были гладкими на протяжении почти всего XIX и начала XX века (Гутнов, 2004: 18). Именно из-за напряженных отношений между официальной властью и студенчеством в 1863 году, на волне реформ, был принят новый университетский устав, который вошел в историю «как наиболее либеральный из всех нормативных документов подобного типа, которым управлялось русское высшее образование до Октябрьской революции» (там же: 18–19).

Новый устав давал университетам довольно широкие полномочия, которые позволяли самим учебным заведениям регулировать значительную часть учебного процесса. Однако либерализация не привела к ожидаемым результатам, а неудачное покушение студента Д. Каракозова на царя Александра II (в апреле 1866 года) рассеяло надежды правящих кругов на то, что смягчением и послаблениями можно решить проблему сложных взаимоотношений между властью и наиболее активной частью общества. Именно с этого времени в тиши кабинетов Министерства народного просвещения стал готовиться проект нового Университетского устава. Убийство Александра II только ускорило процесс его выработки. Дело усугублялось еще и тем, что среди лиц, покушавшихся на царя, были и студенты, последнее дало повод властям «обвинить все студенчество в приверженности к терроризму и анархии» (Гутнов, 2004: 20). Новый устав 1884 года был более жестким по сравнению с предшествующим. Власть была напугана, напугана очень серьезно, можно сказать, что в то время слово «студент» для власти значило сначала «террорист» и «бунтарь» и только потом уже соответствовало своему словарному значению. Показательны в этом отношении слова министра финансов графа С. Ю. Витте, который в 1902 году во время беседы с профессорами Киевского политехнического института заявил, что: «Все-таки ни я, ни вы не можем допустить <...> чтобы студенты занимались политикой. Это ведь по существу нелепо: если студент будет добросовестно относиться к своим занятиям, то у него не хватит времени для политики. А, во-вторых, какая же политическая зрелость может быть у студента-юноши, еще не знающего жизни» (Из истории Киевского... , 1961: 112).

Как видно, и через десятилетия после принятия нового устава «снижения градуса» напряженности в отношениях студентов с властью не последовало, наоборот — волна студенческого недовольства только росла. В значительной мере это было «подготовлено» университетским уставом 1884 года. Этот устав, например, предусматривал, что выбранные советом университета кандидатуры обязательно должны быть одобрены свыше. При этом попечитель учебного округа утверждал кандидатуры от лаборантов до деканов, а министр народного просвещения — ректора; существенно возрасла роль попечителя учебного округа, который, в частности, утверждал учебные планы университетов и был своего рода «глазами и ушами» министра на местах (Гутнов, 2004: 20). Реформы затронули и Дерптский университет.

Период перемен — время сложное во всех отношениях: официальные указы и постановления меняют не только делопроизводство, но и вносят свои коррективы во взаимоотношение между людьми, также и существенно влияют на традиции, точнее — на восприятие этих традиций. Нужно сказать, что Дерптский университет за свою историю в XIX столетии обзавелся многими традициями, которые были непонятны студентам, поступавшим туда из других университетов и регионов империи. Но по приезде в Дерпт молодого человека из столицы сперва должны были поражать не столько университетские традиции, сколько сам город: «После кипуче-бурного Петербурга — тихий Дерпт» (Вересаев, 1961, с. 300). Так описывает свои первые впечатления от этого города известный писатель В. В. Вересаев (Смидович) (1867—1945), который в 1893 году учился на четвертом курсе медицинского факультета. В его воспоминаниях «В студенческие годы» есть глава, которая так и называется «В Дерпте». В июле 1893 года на должность доцента международного права был назначен Владимир Эммануилович Грабарь (1865—1956), в будущем известный российский и советский юрист, доктор юридических наук, который приходился родным братом известному живописцу и искусствоведу Игорю Эммануиловичу

Грабарю (1871–1960). В возрасте 87 лет Владимир Грабарь написал воспоминания «Четверть века в Тартуском (Дерптском-Юрьевском) университете», которые были опубликованы в 1954 году. Его также поразило Дерпт: «Мне очень понравился город, старинный, с остатками средневековых построек, поразивший меня своей чистотой» (Грабарь, 1954: 55). Как и подобает небольшому университетскому городу — жизнь его строилась вокруг университета, поэтому: «Летом жизнь замирала, город пустел; с осени он оживал снова» (там же: 55). Вересаев также пишет об этой особенности уездного, но далеко не провинциального города: «Мозгом, двигающим и жизненным центром города, является старинный Дерптский университет <...> Весь город живет университетом и для университета» (там же: 300).

Относительно работы университета и жизни студентов в период конца XIX — начала XX веков, помимо уже цитированных воспоминаний Вересаева и Грабаря имеются еще воспоминания, принадлежащие перу К. Бежаницкой, которая обучалась в университете с 1906 по 1911 год. Воспоминания Бежаницкой охватывают период первого десятилетия нового XX века (Бежаницкая, 1977). Они хороши тем, что, в отличие от уже упомянутых источников, повествуют о другом времени, то есть позволяют (насколько это возможно) посмотреть, как изменилась студенческая жизнь в Тарту в начале первого десятилетия прошлого века. Помимо этого, в 1902 году в журнале «Мир Божий» появился очерк Евгения Дегена «Воспоминания дерптского студента», в котором автор повествует о быте тартуского студенчества в начале 90-х годов XIX столетия (Деген, 1902). Не можем не упомянуть и еще одну любопытную работу — брошюру А. Гейкинга «Две статьи о студенческой жизни в Дерпте», изданную в 1892 году (Гейкинг, 1892).

Эпоха реформ начала 60-х годов XIX века затронула и сферу образования. Как мы уже указывали, взаимоотношение власти и студенчества были более чем сложными. Выстрел Каракозова фактически спровоцировал сворачивание только начавшейся реформы университетов: министром народного просвещения вместо либерального А. В. Головина был назначен граф Д. А. Толстой, который «...соединив в своих руках управление Синодом и народным образованием, проводил политику в области просвещения в соответствии с требованиями духовенства и дворянства. Стремление Толстого ввести систему государственных экзаменов в России нашло поддержку реакционных общественных кругов, которые выражали недовольство тем, что узаконения поощряли к учению и приобретению высшего научного образования людей из низших податных сословий...» (Щетина, 1976: 36).

Помимо этого, наблюдался также процесс отъезда молодежи за границу: во-первых, высшее образование дозволялось получать только выпускникам классических гимназий, а выпускники, например, реальных училищ могли довольствоваться только инженерно-техническими или сельскохозяйственными специальностями (Гутнов, 2004: 32)¹. Во-вторых, запрещение обучения женщинам в высших учебных заведениях вынуждало многих ехать за границу, что, конечно же, не могло не повлиять на революционный настрой студенток, поэтому впоследствии власти все-таки вынуждены были пойти на уступки, открыв ряд «женских курсов». Третий важный момент — это нерешенность так называемых «еврейского» и «польского» вопросов. Например, в 1887 году был издан специальный циркуляр, который огра-

¹ Помимо сказанного отметим, что выпускник реального училища должен был пройти довольно сложный экзамен по древним языкам, а на такое испытание решались немногие.

ничивал прием евреев в университеты в пределах 5 процентов в черте оседлости и 3 процентов в столичных городах (Гутнов, 2004: 28). Понятно, что такие меры не могли не способствовать росту эмиграции из России.

В 1889–1895 годах в Дерптском университете была проведена, наверное, самая радикальная реформа за всю историю этого учебного заведения. Реформа выражалась в нескольких очень важных изменениях, которые впоследствии не только изменили сам процесс образования в стенах университета, но изменили сам состав студенчества и профессуры. Одним из существенных моментов той реформы стал переход с немецкого языка обучения на русский: уже начиная с 1892 года все дело-производство в университете велось на русском языке, с 1893 года прием экзаменов также стал вестись по-русски, а 27 февраля 1893 года университет был переименован в Юрьевский и сам город Дерпт стал именоваться Юрьевом. Но переход с одного языка обучения на другой — не единственные изменения, которые последовали в рамках реформы. «Плату за обучение уравнивали с другими русскими университетами — 25 руб. в семестр (до этого она составляла 10 руб. в семестр), не считая платы за практические занятия — 3–5 руб. в семестр. Это значит, что дерптские студенты платили за обучение, например, на богословском факультете примерно 39 руб., на юридическом — 45, медицинском — 41, историко-филологическом и физико-математическом 28–30 руб. в год» (Тамуль, 2009: 588). Тем не менее жизнь в Тарту все же была дешевле, чем в столичных городах: «...по сравнению с Москвой цены были почти вдвое ниже. Будучи уже профессором, но еще одиноким, я занимал квартиру в пять комнат, весь нижний этаж дома, с садом сзади него и палисадником спереди. Этот тихий уют обходился мне всего в 400 рублей в год» (Грабарь, 1954: 56).

Но студенту все же приходилось не так «уютно», как профессору. Бежаницкая вспоминала, что в среднем в год на жизнь уходило порядка 300–400 рублей: «Нуждающиеся получали материальную поддержку от своих землячеств, обществ, от платы за обучение в университете освобождалось 15 % беднейших студентов. Некоторые (2 %) получали стипендии <...> За 8 рублей в месяц студент мог иметь меблированную комнату. Некоторые студенты давали уроки или работали на заводе или в учреждении (а заводов было мало)» (Бежаницкая, 1977: 99). Действительно, материальная сторона жизни самым существенным образом влияет на духовную сторону, и наиболее насущной проблемой русских студентов в Дерпте в то время было материальное обеспечение: «Бедность господствует повсюду, где есть русская учащаяся молодежь, нигде, кажется, она не носит такого всеобщего характера, как было в Дерпте. <...> Рублей за 25 в месяц можно было жить без всяких лишений, тогда как в Петербурге или Москве можно жить только за 40 рублей. Но лишь весьма немногие счастливы имели такой доход. Были студенты, которые ухитрялись существовать на 10 руб. в месяц» (Деген, 1902: 80).

Но не только в денежном исчислении можно измерить те изменения, которые произошли в жизни университета в то время. Смена языка — это всегда смена традиций, устоявшихся правил и, в конечном итоге, смена поведения человека в новых условиях. Как вспоминает Грабарь, юридический факультет был первым, где обучение стали вести по-русски — «это было связано с введением в Прибалтийском крае судебной реформы с судотворением на русском языке вместо немецкого» (Грабарь, 1954: 61).

В этой связи интересно взглянуть на взаимоотношения между студентами и профессорами, как до реформы, так и во время ее проведения. Русский студент, приезжавший в уездный Дерпт, фактически рассматривался там как иностранец, да и, видимо, сам ощущал себя там не так, как в остальной России — сказывались культурные и языковые различия. До реформы, поступавшие русские студенты, как

правило, плохо владели немецким или же не владели им вовсе, но «...к концу первого же года <...> понимание лекций и чтение книг по своей специальности не представляло затруднений, ко времени же экзаменов большинство [русских студентов. — К. М.] и объяснялось весьма бойко, хотя и с ужасающими ошибками...» (там же: 61).

Но не все так гладко было во взаимоотношениях между немецкими профессорами и русскими студентами. Не только чистота и дешевизна Дерпта по сравнению с другими университетскими центрами бросалась в глаза приезжему. Наличие традиций, которые более были присущи немецкому, чем русскому университету, — вот что поражало и удивляло молодых людей. Наличие студенческих корпораций с их правилами, с четким разделением по географическому признаку, конечно, не было чуждо студентам, поступившим в Дерпт из остальной России (там существовали «землячества»), но все же такой «корпоративный дух», который царил в Дерпте, обращал на себя внимание современников: «Совершенно для нас необычно было это кастовое разделение студентов после товарищеского равенства всех в русских университетах. И это особенно резало глаза, потому что внешне товарищеские отношения были как будто самые близкие <...> Весь дух немецкого буршенштафта был для нас чудовищно чужд. Никаких общественных интересов, презрение к “политике”, узкий национализм; кутежи, дуэли, любовные истории, — в этом проходила жизнь» (Вересаев, 1961: 302—303).

Сохранение традиций тоже поразило молодого Вересаева, и он дает вполне правильное объяснение тому, почему власти не трогали эти традиции — местное студенчество было совершенно аполитичным и, как следствие, в нем почти полностью отсутствовал революционный дух. Студенты университета впервые приняли участие в студенческих волнениях только в 1899 году — спустя четыре года после реформы в университете. Тем не менее, каждый студент университета должен был подписать небольшую справку, текст которой был следующим: «Я нижеподписавшийся даю сию подписку в том, что во время своего пребывания в числе студентов ИМПЕРАТОРСКОГО Дерптского Университета обязуюсь не только не принадлежать ни к какому тайному обществу, но даже без разрешения на то, в каждом отдельном случае, университетского начальства, не вступать и в дозволенные законом общества, в случае же нарушения мною сего обещания, подвергаюсь немедленному удалению из Университета»².

В вопросе реформирования университета нужно обратить внимание на один существенный момент — совпадение во времени *двух* факторов, которые затем существенно повлияли на университет. Во-первых, отсутствие «революционных настроений» среди студенчества (преимущественно, остзейского) давало возможность Дерпту сохранять довольно либеральные порядки, во-вторых, проведение реформы (в частности, переход на русский язык и, как следствие, отток немецкоязычного студенчества и профессуры) требовало привлечения в Дерпт-Юрьев студентов и преподавателей из остальной России, чтобы каким-то образом «разбавить» остзейскую песню несколькими русскими куплетами, а фактически — восполнить сокращающееся число студентов. В данное учебное заведение (так же как и в Ветеринарный институт) сравнительно легко принимались студенты, покинувшие другие учебные заведения, а чаще просто исключенные из университетов за участие в студенческих протестах. Например, из 22 участников студенческих волнений конца 1887 года в Казани, 13 были приняты в Ветеринарный институт (Исаков, 1970: 17).

²Текст приводится по подписке, данной студентом А. А. Крогиусом 23 января 1893 года. (Исторический Архив Эстонии. Ф. 402. Оп. 1. Д. 13729. Л. 8).

Еще с первой половины XIX столетия за Дерптским университетом закрепилась слава «спокойного» университета, именно по причине преобладающего числа студентов — выходцев из немецких остзейских фамилий, поэтому царские власти не боялись отправлять сюда студентов, отчисленных из других высших учебных заведений империи³ за участие в студенческих движениях (Мозберг (Moosberg), 1961: 216). «Большинство из них имели за собой более или менее сложную биографию и вообще видали виды; были люди за тридцать и за сорок лет <...> Среди толпы слушателей всегда не трудно было узнать русского студента по обличью; сравнительно с немецкими юношами, сытыми, румяными, в чистеньких пиджаках и крепко накрахмаленных воротничках, пришельцы из Москвы, Киева, Казани носили совсем другой отпечаток: худые и бледные, нервные, неврастеничные лица, не всегда аккуратно причесанная шевелюра, нередко мягкие вышитые сорочки, а то и косоворотки» (Деген, 1902: 74–75).

При поступлении в университет не требовалась справка о благонадежности, что существенно повышало шансы получить хорошее образование. Значение Дерптского университета как «тихой гавани» посреди бурного моря студенческих волнений отмечает и Гейкинг. «В то время как все наши университеты хронически подвержены более или менее серьезным волнениям и беспорядкам среди студентов, пытающихся принять участие в социальной и политической жизни общества, один только Дерптский университет остается спокойным» (Гейкинг, 1892: 5).

Стоит, однако, заметить, что за внешним спокойствием и размеренностью студенческой жизни скрывались общие для многих университетских городов проблемы. Русским студентам в немецком городе приходилось нелегко. Дело было не только в материальных трудностях. «Нас, русских, немецкие студенты глубоко презирали за то, что мы “антидуэлянты”, и задирали всячески. Теперь, при воспоминании, все это кажется смешным, но тогда часто бывало очень тяжело» (Вересаев, 1961: 304).

Мы уже говорили, каким образом немецкие профессора относились к студентам, которые не знали немецкого, но пытались (пусть и не всегда верно) отвечать по-немецки. Ожидание перемен порою бывает тягостнее самих перемен. Как будто что-то витает в воздухе, но неуловимое, и поэтому воображение само дорисовывает контуры грядущего, и контуры эти, прямо скажем, были окрашены далеко не в светлые тона: «Если и в петербургское мое время общее настроение студенчества было нерадостное и угнетенное, то теперь, в конце восьмидесятых и начале девяностых годов, оно было черное, как глухая октябрьская ночь <...> Теперь царил полнейшее бездорожье, никаких путей не виделось, впереди и вокруг было все заткано, как паутиной, сереньким туманом, сквозь который ничего не было видно» (там же: 312).

В 1893 году университет уже начал переходить на русский язык обучения. Этот факт не мог не вызывать недовольства среди местных профессоров, но нужно оговориться, что немецкие профессора Дерпта не всегда были местными (остзейскими) немцами. Различие во взглядах между приглашенными из Германии профессорами и местными немцами отметил и Грабарь в своих воспоминаниях. «Профессоры немецкой национальности не представляли сплоченной группы. Балты и иностранцы не во всем были солидарны. Больше всего их разделяли вопросы местной политики. <...> Большинство балтийских немцев были яростными противниками реформы, видя в ней посягательства на свои приобретенные права. Иностранцы смотрели на реформу иначе; они относились

³ Помимо отчисленных студентов в Дерпт было разрешено также принимать лиц, окончивших духовные семинарии.

к ней спокойнее, притом не только потому, что она не задевала их интересов (им предоставлено было право продолжать чтение лекций до окончания срока, на который они были за-контрактаны), но и по соображениям государственным, так как большинство их признавало действия русского правительства правомерными и справедливыми. Такое мнение открыто высказывали профессора анатомии — Раубер и офтальмологии — Рельман. Балты за это их не любили» (Грабарь, 1954: 59).

Выдающийся хирург Н. И. Пирогов, являвшийся профессором Дерптского университета, в своих воспоминаниях много внимания уделил Дерпту и царившим там взглядам; хотя его «Записки» и относятся к более раннему периоду (30-е годы XIX столетия), но представляют известный интерес в контексте настоящей работы. Еще будучи студентом, Пирогов подружился с австрийским профессором Вахтером, хотя последний и был старше Пирогова: «И после, когда я сделался профессором в Дерпте, я был единственный из профессоров, которого навещал и с которым знаком был д-р Вахтер. Как кажется, именно австрийское Вахтера происхождение и католическое вероисповедание и были мотивами нашего сближения. Протестанты, северяне, доктринеры смотрели свысока на австрийского лекаря — католика, не учившегося в немецком университете» (Посмертные записки... , 1885: 488). Очень интересное свидетельство. Однако и спустя полвека мало что поменялось на *человеческом* уровне. Любопытную картину отношения немецких профессоров к русским студентам рисует Вересаев: «Когда я в 1888 году поступил в Дерптский университет, он был вполне немецким. Русские студенты чувствовали себя в нем париями. Профессора относились к ним враждебно» (Вересаев, 1961: 337).

У нас нет данных относительно того, каким образом отличалось (если отличалось) в этом «вполне немецком» университете отношение приглашенных и местных немецких профессоров к студентам. Реформа, продолжавшаяся несколько лет, предусматривала, что приглашенные преподаватели могут доработать до конца срока, указанного в контракте, местные же немцы — должны были в течение двух лет перейти на русский язык обучения, или же вовсе выйти на пенсию. Уже с 1895 года на всех четырех факультетах преподавание велось на русском языке (лишь на богословском факультете вплоть до 1916 года работа велась по-немецки). Порою такие «перемены» проходили не без курьезов: «Гигиену и судебную медицину читал профессор Бернгард Кербер. <...> Язык русский он знал плохо, заказал русскому студенту перевести свои лекции и читал их по переводу, глядя в рукопись. И мы слушали: — ...Приближаем друг к другу концы проводов. Получается электрическая *икра*. Эта электрическая икра перелетает через воздух...» (Вересаев, 1961: 325–326).

Но были и такие профессора, кто, не зная русского, продолжал преподавать по-немецки. Чуть выше, в отрывке из воспоминаний Грабаря, упомянут профессор анатомии А. Раубер — «наш дорогой профессор Раубер», как называет его Бежаницкая: «Русского языка он не знал, и ему было разрешено министерством читать лекции на немецком языке. Спокойно, выразительно, образно он проводил лекции, тут же демонстрируя детали всего, о чем он говорил» (Бежаницкая, 1977: 103). Примечательный факт: несмотря на реформу, ему было разрешено читать по-немецки, к тому же он был приглашенный профессор из Лейпцигского университета: «Его обширное руководство по анатомии — лучшее из существующих, работы его по проводящим нервным путям — работы классические. Высокий, худощавый, очень стройный человек с сумасшедшими черными глазами, с черными кудрями до плеч и с черною бородкою, с какою рисуют Иоанна Крестителя» (Вересаев, 1961: 307). Уважение к Рауберу среди студентов было огромным:

«Один раз только что поступившие семинаристы возмутились, что проф. Раубер читает анатомию на немецком языке и даже, кажется, подали ректору протест. Старшие медики были возмущены, заступились, прочули и доказали “малышам”, как они не правы <...> Другой раз, в день рождения профессора Раубера опять-таки было устроено торжественное чествование его в актовом зале» (Бежаницкая, 1961: 106).

Данный факт говорит о том, что всякая реформа, какой бы жесткой она ни казалась потомкам и современникам, — все же есть бюрократическая мера, но человеческое, пусть и не всегда, все же может взять верх над канцелярской косностью. Вообще, ситуация с «русификаторской» политикой российских властей в Прибалтийских губерниях (то есть на российской территории) обросла мифами, полуправдой и весьма неоднозначно трактуется современниками. Здесь нужно выделить несколько факторов, которые говорят о том, что не все было однозначно. Во-первых, из-за отсутствия достаточного количества квалифицированных кадров, некоторые учебные заведения сохраняли обучение на немецком языке и после реформы (например, Рижский политехнический институт). Во-вторых, для немцев и желающих обучаться по-немецки сохранялась возможность получить образование в Москве или в Петербурге, где продолжали функционировать школы с немецким языком обучения. Третье обстоятельство — Россия не была уникальной в этом отношении страной: в Германии (например, в Шлезвиг-Гольштейне), во Франции (Фландрия, Бретань) проводилась аналогичная образовательная и языковая политика. Преобразования в немецкой прибалтийской школе (как в начальной, так и в высшей школе) позволили существенно снизить влияние местного лютеранского духовенства, которое не всегда лояльно относилось к российским властям (Андреева, 2008). Именно образовательная политика российских властей на рубеже XIX–XX столетий способствовала формированию эстонской и латышской научной и творческой интеллигенции: «Знание русского (и немецкого) языков раздвинуло для представителей эстонских и латышских элит границы остзейских провинций и открыло возможности профессионального и социального подъема на всей обширной территории империи. И этим они сумели успешно воспользоваться» (Воробьева, 2013: 331).

Литература

Андреева Н. С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2008 [Andreyeva N. S. Pribaltiyskiye nemtsy i rossiyskaya pravitel'stvennaya politika v nachale КНKH века. SPb.: Izd. dom «Mir», 2008].

Бежаницкая К. На медицинском факультете Тартуского университета в начале XX века (Воспоминания) // Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi [Вопросы истории Тартуского университета]. VI. 1977. С. 98–111. [Bezhanitskaya K. Na meditsinskom fakul'tete Tartuskogo universiteta v nachale КНKH века (Vospominaniya) // Tartu Ülikooli Ajaloo küsimusi [Voprosy istorii Tartuskogo universiteta]. VI. 1977. S. 98–111].

Вересаев В. В. В студенческие годы. Собр. соч. в 5 т. Т. 5. С. 195–343. М.: Правда (Б-ка «Огонек»), 1961 [Veresayev V. V. V studencheskiye gody. Sobr. soch. v 5 t. T. 5. S. 195–343. M.: Pravda (B-ka «Ogonek»), 1961].

Воробьева Л. М. Прибалтика на разломах международного соперничества. От нашествия крестоносцев до Тартуского мира. М.: ФИВ, 2013 [Vorobyeva L. M. Pribaltika na razlomakh mezhdunarodnogo sopernichestva. Ot nashestviya krestonostsev do Tartuskogo mira. M.: FIV, 2013].

[Гейкинг А.]. Две статьи о студенческой жизни в Дерпте. 2-е изд. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1892 [[Geyking A.]. Dve stat'i o studencheskoy zhizni v Derpte. 2-e izd. SPb.: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1892].

Грaбарь В. Э. Четверть века в Тартуском (Дерптском-Юрьевском) университете // Ученые записки Тартуского Государственного университета. Вып. 35. Таллин: Эстонское гос. изд-во, 1954. С. 55–76 [Grabar' V. E. Chetvert' veka v Tartuskom (Derptskom-Yur'yevskom) universitete // Uchenyye zapiski Tartuskogo Gosudarstvennogo universiteta. Вып. 35. Tallin: Estonskoye gos. izd-vo, 1954. S. 55–76].

Гутнов Д. А. Русская высшая школа общественных наук в Париже (1901–1906 гг.). М.: РОССПЭН, 2004 [Gutnov D. A. Russkaya vysshaya shkola obshchestvennykh nauk v Parizhe (1901–1906 gg.). М.: ROSSPEN, 2004].

Деен Е. Воспоминания дерптского студента // Мир Божий. 1902. № 3. С. 71–105 [Degen Ye. Vospominaniya derptского студента // Mir Bozhiiy. 1902. № 3. S. 71–105].

Из истории Киевского Политехнического института. Сборник документов и материалов. Том I: 1898–1917. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1961. [Iz istorii Kiyevskogo Politekhnicheskogo instituta. Sbornik dokumentov i materialov. Tom I: 1898–1917. Kiyev: Izd-vo Kiyev. un-ta, 1961].

Исаков С. Г. О первом марксистском кружке в Тарту // Tartu Ülikooli toimetised [Ученые записки Тартуского университета]. 1970. № 261. „Tõid NLKP ajaloo alalt, VIII [Труды по истории КПСС]“. Тарту: Тартуский государственный университет [Isakov S. G. O pervom marksistskom kruzhke v Tartu // Tartu Ülikooli toimetised [Uchenyye zapiski Tartuskogo universiteta]. 1970. № 261. „Tõid NLKP ajaloo alalt, VIII [Trudy po istorii KPSS]“. Tartu: Tartuskiy gosudarstvennyy universitet].

История Тартуского университета 1632–1982. Таллин: Периодика, 1983 [Istoriya Tartuskogo universiteta 1632–1982. Tallin: Periodika, 1983].

Маурер Т. Университет и (его) город: новая перспектива для исследования истории российских университетов / Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурер и А. Дмитриев. С. 5–104. Москва: Новое литературное обозрение, 2009 [Maurer T. Universitet i (yego) gorod: novaya perspektiva dlya issledovaniya istorii rossiyskikh universitetov / Universitet i gorod v Rossii (nachalo KHKH veka) / pod red. T. Maurer i A. Dmitriyev. S. 5–104. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 2009].

Моосберг Н. Марксистликud ringid Tartu Ülikoolis ja Veterinaaria Instituudis XIX saj. 80–90-ndatel aastatel [«Марксистские кружки в Тартуском университете и Ветеринарном институте в 80–90-х годах XIX века»] // Tartu Ülikooli toimetised [Ученые записки Тартуского университета]. № 114 „Eesti NSV ajaloo küsimusi, II [Вопросы истории Эстонской ССР]“. Тарту: Тартуский государственный университет, 1961. [Moosberg H. Marksistlikud ringid Tartu Ülikoolis ja Veterinaaria Instituudis XIX saj. 80–90-ndatel aastatel [«Marksistskiye kruzhki v Tartuskom universitete i Veterinarnom institute v 80–90-kh godakh XIX veka»] // Tartu Ülikooli toimetised [Uchenyye zapiski Tartuskogo universiteta]. № 114 „Eesti NSV ajaloo küsimusi, II [Voprosy istorii Estonskoy SSR]“. Tartu: Tartuskiy gosudarstvennyy universitet, 1961].

Посмертные записки Николая Ивановича Пирогова, гл. LIII–LX // Русская Старина. 1885. № 3. С. 481–526 [Posmertnyye zapiski Nikolaya Ivanovicha Pirogova, gl. LIII–LX // Russkaya Starina. 1885. № 3. S. 481–526].

Тамуль С. Тарту и его университеты (1905–1918 годы) // Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурер и А. Дмитриев. С. 584–702. М.: Новое литературное обозрение, 2009 [Tamul' S. Tartu i yego universitety (1905–1918 gody) // Universitet i gorod v Rossii (nachalo KHKH veka) / pod red. T. Maurer i A. Dmitriyev. S. 584–702. М.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2009].

Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884 года. М.: Наука, 1976 [Shchetinina G. I. Universitety v Rossii i ustav 1884 goda. М.: Nauka, 1976].